

Так, через треть века со дня их первого знакомства в 1904 году, один из многочисленных друзей Куприна, ставший литературным героем, приветствовал своего писателя, вернувшегося на родину, туда, где начинался яркий и сложный писательский путь Куприна, где остались люди, о которых он писал — писал проникновенно и горячо, со страстной заинтересованностью, с блеском неповторимого таланта, заставляя любить их, восхищаться ими, переживать их радости и горести и верить им, как веришь самому себе.

II. «ДЮМА-ОТЕЦ»

Среди написанных, но не дошедших до нас произведений Куприна значится также критико-биографический очерк Куприна об Александре Дюма «Дюма-отец», который он писал по заданию М. Горького для «Всемирной литературы» в 1918 году. Предполагалось издание собрания сочинений Дюма, Куприн должен был дать предисловие к нему.

К порученному ему делу писатель отнесся серьезно. Он долго и упорно работал над очерком, просиживая часами над книгами и журналами, собирая в Публичной библиотеке материалы об А. Дюма, в то тяжелое и неблагоприятное для подобных занятий время.

Очерк был написан и передан М. Горькому, который, прочитав его, остался доволен купринской работой и сказал, как вспоминал сам Куприн: «Ну, конечно, я знал, кому поручить эту работу». В марте 1919 года в письме к М. Горькому Куприн благодарил за то, что тот привлек его к сотрудничеству в издательстве, чем не столько материально, сколько морально поддержал его. Но по каким-то причинам — не последнюю роль сыграл здесь и уход Куприна с армией Юденича — очерк «Дюма-отец» не был напечатан, рукопись его, находившаяся во «Всемирной литературе», затерялась и до сих пор не найдена.

Правда, в 1931 году Куприн опубликовал статью об А. Дюма, восстановив свою давнюю работу, как он писал во вступительной ее части, «наизусть, по смутной памяти, кусками» — советский читатель может ознакомиться с ней по последнему собранию сочинений Куприна.

Конечно, можно было бы провести параллели между рассказом «Светлана» и второй частью «Листригонов», и сказать о том, насколько и в данном случае восстановленный автором, хотя сам по себе интересный и увлекательный, очерк об А. Дюма бледнее по языку, мыслям и наблюдениям того первоначального очерка об А. Дюма, который Куприн написал для «Всемирной литературы». Но сейчас не на эти очевидные параллели и сравнения хочется обратить внимание. Любопытно другое: Куприн писал свой очерк — сам он называет его «статьей» — с «теплой радостью и душевной укрепой». В характеристиках и наблюдениях, которые мы встречаем в очерке, чувствуется, что Куприн пишет о писателе и человеке во многом,

в значительном и существенном, очень близком самому Куприну. Притом очерк «Дюма-отец», как отмечал автор, — это первый в русской литературе очерк о великом французском романисте, да к тому же написанный крупным русским писателем, а потому вдвойне интересный.

Дошедшие до нас отрывки представляют листы большого формата, исписанные с двух сторон: нумерация страниц 73—76, 81. Все это свидетельствует о том, какую крупную работу, размером в добрую книгу, написал Куприн для «Всемирной литературы».

* * *

Дюма — человек бурных излияний. Его политические убеждения, так же как его дружба и как его ненависть (когда он ее чувствует) не обходится у него без топотни и крика. Нет ничего забавнее, как читать в его «Мемуарах» страницы, посвященные июльским дням (30 г.). «Произвели революцию те, которых я видел в деле и которые видели меня на баррикадах». Дюма на всех перекрестках: при захвате артиллерийского музея, в атаке Лувра — везде его узнают по его султану! Здесь уже чувствуются доспехи Франциска I и аркебуз Карла IX, потому что его романтизм прошедшего нашел свою среду. Вперед! Лицом к пулям, к митральезам. «Пушечный выстрел — прямо в меня!» Сколько веселья, пыла, чванства, какое игривое смешение вызова и гасконады! Мишле, говоря об императрице Марии Терезе, вскричал: «У нее утроба полна тиранами!» Как же в словах и жестах этого великолепного Дюма, этого разрушителя баррикад, не заметить Д'Артаньяна, де Коллона и Портоса, которыми он полон. И заметьте хорошенько, что это не только дон Родриго, но также и Гаргантюа и Грандузье. Та же эпопея, та же лира.

«Я умирал от голода и особенно от жажды. Мне отыскали бутылку бордосского вина, которую я опустошил почти одним глотком. Мне принесли огромную миску шоколаду, и я его проглотил».

Таков Дюма, смотрящий, как и большинство романтиков, на жизнь через призму театра. Сейчас мы увидим его едущим в Италию к Красным Рубашкам завоевывать Неаполь и играющим около Гарибальди роль мухи на кибитке.

Знаменитый кондотьер, прибыв в Неаполь, назначил Дюма сюринтендантом изящных искусств и устроил его на средства муниципалитета в Киатамоне, в прелестном palazzetto на берегу моря. Однако согласная гармония скоро распалась. Дюма